СКАЗАНІЕ

О

ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ

ОТЦА СЕРАФИМА,

САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ

ІЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1841.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 30го Сентября 1841 года.

Московская Духовная Академія.

Ценсоръ, В. Семинаріи Ректоръ
А. Агапитъ.

Апостолъ Павелъ говоритъ: *Поминайте Наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Посему, благоговѣя къ почившему въ Бозѣ Старцу за его примѣрныя добродѣтели, я вознамѣрился краткимъ писаніемъ предать памяти его жизнь и подвиги. Я буду повѣствовать, частію то, что извѣстно современнымъ ему Старцамъ Саровской Пустыни, а частію то, что онъ мнѣ самъ сказывалъ по особенной его ко мнѣ довѣренности и любви, въ разныя времена моего сожительства съ нимъ. Наблюдая за его жизнію, я записывалъ въ свое время и его краткія наставленія, которыя онъ мнѣ и приходящимъ давалъ. Такимъ образомъ составилось слѣдующее краткое жизнеописаніе.

І. С.

Изображенiе кончины Iеромонаха Саровскiя Пустыни Отца Серафима, послѣдовавшiя 1833 года Генваря 2 дня.

Печ. дозв. Ценз. В. Сем. и Ректоръ Арх. Леонтiй

ЖИТIЕ И ПОДВИГИ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ОТЦА СЕРАФИМА, САРОВСКIЯ ПУСТЫНИ IЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА.

Мѣстомъ рожденiя сего доблественнаго подвижника благочестiя былъ губернскiй городъ Курскъ. Родился онъ 1759 года Iюля 19го дня. Отецъ его былъ Курскiй купецъ Исидоръ, по прозванiю Мошнинъ, мать Агаѳiя. При крещенiи наречено ему было имя Прохоръ. Спустя три года послѣ его рожденiя, отецъ его Исидоръ скончался. Какъ при жизни своей онъ занимался строенiемъ церквей, такъ и умирая оставилъ, начатое имъ въ городѣ Курскѣ, созиданiе каменнаго храма во имя великаго Чудотворца, Преподобнаго Сергiя, на попеченiе женѣ своей Агаѳiи, подъ надзоромъ которой въ послѣдствiи времени оное и довершено. Во время строенiя сего храма однажды Агаѳiя пошла на церковное зданiе, взявши съ собою и сына своего, которому было тогда около семи лѣтъ, — и

какъ взошла на зданіе, то онъ, отлучась отъ нея, по дѣтской неосторожности, упалъ съ высоты зданія на землю. Мать, увидѣвши сіе, поспѣшила сойти внизъ, и думала найти его уже мертвымъ; но къ удивленію нашла его стоящимъ на ногахъ и совершенно невредимымъ. Благочестивая мать усмотрѣла въ семъ особенное дѣйствіе Промысла Божія, сохранившаго отрока, и со слезами благодарила за сіе Господа Бога.

По времени отрокъ Прохоръ отданъ былъ для обученія чтенію и письму. Онъ былъ прилѣженъ и показывалъ остроту ума.

Когда было ему около десяти лѣтъ, случилась съ нимъ болѣзнь, которою онъ одержимъ былъ долгое время. Священнослужителямъ тамошняго Знаменскаго монастыря случилось идти съ Курскою Чудотворною Иконою Божія Матери по городу тою улицею, на которой находился домъ родителей Прохора, и какъ въ то время былъ сильный дождь, отъ котораго произшедшая грязь и топь препятствовали далѣе нести Икону улицею; то для удобнѣйшаго шествія понесли Ее чрезъ дворъ Прохора. Мать Прохорова, увидѣвши сіе, и обрадовавшись сему внезапному случаю, вышла въ срѣтеніе Чудотвор-

ныя Иконы Божія Матери, неся на рукахъ и больнаго отрока Прохора; она поднесла его къ Иконѣ и дала ему приложиться къ оной. По семъ Чудотворная Икона перенесена была чрезъ него, и въ то же время отрокъ получилъ чудесное и совершенное изцѣленіе, за которое мать съ сыномъ своимъ приносила Заступницѣ и Исцѣлительницѣ усердное благодареніе.

Отъ сихъ благодатныхъ дѣйствій и чудеснаго изцѣленія въ отрокѣ Прохорѣ возгорѣлось пламенное усердіе къ Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери. Воспламеняясь болѣе и болѣе сею ревностію, онъ рѣшился наконецъ оставить домъ, имѣніе, мать, брата и свою родную страну, и посвятить себя жизни иноческой; почему на 18

Прежде поступленія своего въ монастырь, Прохоръ пошелъ въ Кіевъ для поклоненія Святымъ Мощамъ, и возвратясь оттуда, пришелъ въ Саровскую Пустынь 1778 года 20го Ноября, наканунѣ Введенія во Храмъ Божія Матери, при Строителѣ обители, Іеромонахѣ Пахоміѣ, и опредѣлился въ число послушниковъ.

По вступленіи въ обитель проходилъ онъ разныя послушанія, какъ-то: будильщика, просфорника, занимался столярною работою, и, по обычаю оной Пустыни, имѣлъ келейное занятіе рѣзать кипарисные кресты. При построеніи въ то время больничной церкви, онъ изъ усердія сдѣлалъ престолъ своими руками изъ кипариса.

Въ 1780 году, будучи послушникомъ, онъ сдѣлался боленъ. Особенное смотрѣніе за нимъ тогда имѣлъ оной Пустыни Казначей Іеромонахъ Іосифъ. Какъ Прохоръ отъ болѣзни пришелъ въ крайнее изнеможеніе силъ, такъ что опасались и за жизнь его; то Строитель Пахомій предлагалъ ему призвать лѣкаря, или отворить кровь. Но Прохоръ отвѣчалъ ему: я предалъ себя Истинному Врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу, и Пречистой Его Матери, Преблагословенной Дѣвѣ Маріи. Строитель, услышавъ сіе, болѣе не напоминалъ ему о лѣкарствахъ. Казначей же Іосифъ, по любви своей къ болящему, предложилъ Строителю, что желаетъ онъ о здравіи Прохора совершить всенощное бдѣніе и литургію, и пріобщить его Святыхъ Таинъ, на что Строитель и согласился. По отслуженіи Казначеемъ Іосифомъ всенощна-

го бдѣнія и литургіи, Прохоръ былъ пріобщенъ тѣла и крови Господней, принесенныхъ ему въ келлію послѣ литургіи, и въ такомъ положеніи оставленъ.

Въ слѣдующую ночь сподобился онъ Божественнаго нѣкоего посѣщенія, и получивъ облегченіе отъ болѣзни, въ скоромъ времени совершенно выздоровѣлъ.

1786 Года Августа 13го дня, по Указу Святѣйшаго Сунода, постриженъ онъ въ монашество Строителемъ, Іеромонахомъ Пахоміемъ, и дано ему имя Серафимъ. Принявъ новое имя Ангельское, онъ отвратилъ очи свои, еже не видѣти суеты, и измѣняясь измѣненіемъ Божественнымъ, направилъ путь свой внутреннимъ вниманіемъ и умнымъ Боговидѣніемъ къ вѣчному солнцу правды, Христу Богу, имя Коего носилъ онъ непрестанно въ сердцѣ и устнахъ своихъ; съ горящимъ усердіемъ онъ началъ подвизаться о приближеніи любовію ко Господу, и дѣятельнымъ образомъ узналъ, что любовь возвышаетъ умъ нашъ къ Богу, и Богъ нисходитъ къ намъ, какъ и Самъ Спаситель сказалъ: *Любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Во время соборной молитвы съ братіею, онъ

предстоялъ Господу со вниманіемъ, непоколебимо, какъ тѣломъ, такъ и духомъ.

1787 Года въ Декабрѣ мѣсяцѣ посвященъ онъ во Іеродіакона Преосвященнымъ Викторомъ, Епископомъ Владимірскимъ и Муромскимъ. Принявъ сіе священное служеніе, онъ усугубилъ ревность и усердіе къ Господу Богу и къ Святой Его Церкви, такъ что въ продолженіи трехъ лѣтъ со времени посвященія въ сію степень, то находился онъ въ чину чреды у поздней литургіи, то служивалъ въ раннихъ литургіяхъ по разнымъ храмамъ обители, и послѣ каждой службы занимался, то приведеніемъ въ порядокъ Священной утвари, то попеченіемъ о чистотѣ олтаря. Усердіе его къ храмамъ Божіимъ было столь велико, что часто цѣлые дни препровождалъ въ оныхъ, слѣдуя гласу Пророка: *Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче* (Псал. 83, 11). Онъ тамъ упражнялся въ Богомысліи и чтеніи Божественныхъ книгъ, и оттуда поучаяся Божественному разуму, собиралъ въ ковчегъ сердца своего сокровище духовное.

Имѣя умъ, очищенный отъ страстей, онъ неоднократно удостоивался духовныхъ видѣній.

Будучи Іеродіакономъ, онъ имѣлъ уже пустынную келлію, въ разстояніи отъ монастыря въ пяти верстахъ. Въ нее хаживалъ онъ для уединенной нощной молитвы, днемъ же всегда находился въ монастырѣ.

1793 года Сентября 2го дня посвященъ онъ въ Іеромонаха Преосвященнымъ Ѳеофиломъ, Епископомъ Тамбовскимъ и Пензенскимъ, при Строителѣ Пахоміѣ. По полученіи новой благодати Духа Святаго, онъ еще съ большею любовію сталъ подвизаться ради Господа Бога, полагая восхожденія къ Нему въ сердцѣ своемъ. Принося Богу безкровную жертву, онъ вмѣстѣ съ симъ приносилъ и самого себя въ жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе. Рим. 12, 1.

Отъ непрестаннаго въ церкви стоянія, Отецъ Серафимъ получилъ опухоль въ ногахъ. По причинѣ каковой болѣзни, а болѣе, по склонности къ уединенной жизни и по любви къ совершенному безмолвію, онъ началъ просить у Настоятеля Іеромонаха Пахомія благословенія на жизнь пустынную или отшельническую, въ подражаніе древнимъ пустынножителямъ. Получивъ отъ Настоятеля благословеніе, удалился въ пустынную свою келлію въ 1794 году осеннимъ временемъ.

По вступленіи въ жизнь отшельническую, тѣлесныя его упражненія состояли въ воздѣлываніи грядъ для сажденія картофеля и другихъ овощей, также въ приготовленіи дровъ для топленія келліи. Чрезъ каковое трудолюбивое упражненіе, и болѣзнь, бывшая въ ногахъ, миновалась. Душу же насыщалъ онъ чтеніемъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, Іоанна Лѣствичника, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Добротолюбія и твореній прочихъ Святыхъ Отцевъ, очищая чрезъ сіе мысль свою на Боговидѣніе и творя ее зерцаломъ Духа Святаго. Правиломъ его въ пустынѣ было: каждый день прочитывать по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола, и исправлять по Церковному Уставу весь порядокъ службы неопустительно безъ всякой перемѣны; въ ночное время много занимался молитвою и поклонами; сонъ его былъ весьма короткій. Наканунѣ какого-либо праздника или воскреснаго дня всегда приходилъ онъ въ монастырь, гдѣ слушалъ вечерню, всенощное бдѣніе и въ самый праздникъ пріобщался Святыхъ Таинъ у ранней литургіи. Послѣ литургіи до вечерни принималъ въ монастырской своей келліи приходившую къ нему, пользы ради душевной, братію; старшимъ изъ нихъ давалъ полезные совѣты, а младшимъ дѣлалъ

отеческія наставленія. Во время же вечерни, взявъ хлѣба на недѣлю, возвращался въ отшельническую свою келлію. Онъ имѣлъ обычай всегда приходить въ обитель на первую недѣлю Святаго Великаго поста; во всю оную седмицу до субботы онъ ничего не вкушалъ, да и пищи приносить не приказывалъ. Живя въ пустынѣ, такою объятъ онъ былъ любовію къ воздержанію, что просилъ у Настоятеля благословенія питаться однимъ картофелемъ и другими овощами, которые онъ самъ садилъ у келліи своей; и послѣ того питался три года однимъ картофелемъ, овощемъ и снитью. Нѣкоторые изъ послушниковъ обители хотѣли-было съ нимъ вмѣстѣ жить; но не могши понести пустынной жизни и великихъ его трудовъ, возвращались паки въ обитель.

Простираясь къ вящшему подвигу, онъ возымѣлъ ревность стоять на камнѣ, въ подражаніе Преподобному Сумеону Столпнику. Камней, на которыхъ онъ стоялъ, было два, — одинъ находился въ его келліи, другой въ лѣсу на половинномъ разстояніи отъ обители къ его келліи. Образъ стоянія его былъ таковый: на одномъ камнѣ, что былъ у него въ келліи, стоялъ онъ съ утра до вечера, сходя

съ него только для принятія пищи, какую приносилъ ему усердствовавшій къ нему братъ изъ монастыря; на другомъ же стоялъ съ вечера до утра съ воздѣтыми горѣ руками, взывая къ Господу Мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* Въ таковомъ подвигѣ онъ находился тысячу дней и тысячу ночей; отъ чего все тѣло его измѣнилось, волосы сдѣлались на головѣ подобны войлоку, а въ ногахъ получилъ болѣзнь, которая продолжалась до самой его кончины. Подвигъ сей проходилъ онъ такъ тайно, что въ продолженіи его стоянія никто не зналъ о семъ. Въ послѣдствіи же времени открылся онъ о томъ нѣкоторымъ изъ братіи. Одинъ братъ, будучи пораженъ удивленіемъ о таковомъ его подвигѣ, возразилъ старцу, что это превосходитъ силы человѣческія; Старецъ же, указавъ ему на примѣръ Сумеона Столпника, присовокупилъ: сей подвижникъ благочестія сорокъ семь лѣтъ стоялъ на Столпѣ, а мои труды похожи ли на его подвигъ? Тогда оный братъ спросилъ Старца: конечно, въ этомъ подвигѣ для тебя ощутительна была помощь укрѣпляющей благодати? Иначе не достало бы силъ человѣческихъ, отвѣчалъ Старецъ; внутренно подкрѣплялся и утѣшался я тѣмъ небеснымъ даромъ, который снисхо-

дитъ свыше отъ Отца Свѣтовъ, и, помолчавъ, присовокупилъ: когда умиленіе есть, то съ нами Богъ.

Въ продолженіе пустыннаго его житія, приходящимъ къ нему изъ монастыря братіямъ, для посѣщенія и принятія пользы отъ его совѣтовъ, давалъ онъ иногда наставленія, сообразныя требованію каждаго, а иногда, желая сохранить безмолвіе, отъ приходящихъ удалялся, или, ничего не говоря, падши ницъ на землю, не вставалъ до тѣхъ поръ, пока пришедшіе къ нему оставляли его въ любезномъ для него безмолвіи. Исконный врагъ, діаволъ, не терпя видѣть таковыхъ доблественныхъ подвиговъ Старца, дѣлалъ ему разныя искушенія, особенно ночью, во время молитвы, такое сильное дѣлалъ нападеніе, что поднималъ его на воздухъ, ударялъ объ полъ такъ сильно, что ежели бы не помощь Божія подкрѣпляла его, то отъ таковыхъ ударовъ и кости могли бы сокрушиться. А потому онъ тѣмъ, кои требовали его совѣта для прохожденія жизни пустынной, говаривалъ, что живущему въ пустынѣ должно быть какъ бы распятому на крестѣ, и что въ монастырѣ живущіе борются съ противными силами, какъ бы съ голубями, а въ пустынѣ, какъ со львами и леопардами.

Но сколько ни старался діаволъ воспрепятствовать доблественному сему подвижнику въ его теченіи и удалить отъ жизни уединенной, однако всѣ усилія его остались тщетны: ибо таковыми искушеніями ничего успѣть не могъ; напротивъ, самъ отъ него былъ побѣжденъ, и принужденъ былъ со стыдомъ отступить отъ него, не произведши измѣненія въ трезвеніи ума его.

Но когда діаволъ не могъ самъ по себѣ причинить твердому отшельнику никакого вреда: то употребилъ на сіе орудіемъ злыхъ людей. 1804 года 12го Сентября пришли къ Старцу три человѣка изъ сосѣднихъ крестьянъ. Онъ былъ въ это время въ своемъ огородѣ. Крестьяне приступили къ нему и требовали отъ него денегъ, говоря, что къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и носятъ деньги. Онъ имъ отвѣчалъ, что я ни отъ кого ничего не беру; но они, не повѣря его словамъ, положили вынудить требуемое насильственнымъ образомъ. Одинъ изъ нихъ сначала ударилъ его въ голову такъ крѣпко, что у него пошла изъ устъ и ушей кровь, — потомъ били его смертельно и, связавъ ему руки и ноги, притащили его въ сѣни его келліи, гдѣ до тѣхъ поръ били, пока сочли его уже умершимъ. По таковомъ безчеловѣчномъ поступкѣ они осматривали все

у него въ келліи и, не нашедши ничего, кромѣ скудныхъ съѣстныхъ припасовъ, удалились. Отъ сихъ смертельныхъ ударовъ онъ едва могъ придти въ чувство и кое-какъ развязать себя. На другой день весь израненный съ большимъ трудомъ пришелъ въ обитель во время литургіи. Онъ былъ весь окровавленъ, волосы его были смяты и смѣшаны съ соромъ, руки избиты, уста запеклись кровію и нѣсколько зубовъ было выбито. Увидѣвъ его братія въ такомъ жалкомъ положеніи, ужаснулись и спрашивали, что съ нимъ случилось? Онъ просилъ ихъ позвать къ себѣ Строителя и Казначея, которымъ все случившееся съ нимъ объявилъ. Строитель Исаія и Казначей очень о семъ сожалѣли. Послѣ того узнаны были тѣ крестьяне, которые его избили; но онъ, простя ихъ, упрашивалъ Настоятеля, чтобъ и онъ никакого съ нихъ взысканія за сіе не дѣлалъ; въ противномъ случаѣ лучше онъ соглашался, чтобъ его изъ обители выслали, нежели имъ какое-либо оскорбленіе нанесли. Такъ онъ былъ незлобивъ и отпущалъ обиды врагамъ своимъ! По нѣкоторомъ времени, предстательствомъ Божія Матери, какъ онъ о семъ открылъ одному изъ братіи, получилъ онъ отъ тѣхъ причиненныхъ ему побоевъ исцѣленіе. Послѣ сего

просилъ онъ у Настоятеля позволенія паки возвратиться въ свою отшельническую келлію. Настоятель, по совѣту братіи, уговаривалъ его остаться навсегда въ монастырѣ, опасаясь подобныхъ случаевъ; но онъ отвѣчалъ, что не страшится такихъ нападеній; ибо рѣшился претерпѣвать всѣ оскорбленія, какія бы ни случились, подражая Мученикамъ, страдавшимъ за Господа нашего Іисуса Христа. Настоятель, видя твердость его духа, оставилъ его при его желаніи, и онъ возвратился въ свою пустынную келлію.

Къ Строителю Исаіи Отецъ Серафимъ имѣлъ великое уваженіе и любовь: ибо Исаія воспріималъ его при постриженіи въ монашество отъ Евангелія, и былъ ему духовный Отецъ. Посему по смерти сего Строителя, скончавшагося 1807 года, лишеніе коего было для него великою потерею, онъ предалъ себя совершенному безмолвію, и ни съ кѣмъ не говорилъ, пребывъ въ молчаніи около трехъ лѣтъ. Удрученный лѣтами Старецъ и изнуренный отъ долговременныхъ подвиговъ, постепенно ослабѣвалъ въ силахъ своихъ, такъ что уже не могъ по прежнему обычаю приходить въ монастырь въ праздничные дни для пріобщенія

Святыхъ Таинъ. Сіе побудило его перемѣнить пустынную жизнь. По благословенію Строителя Нифонта, онъ оставилъ пустынную свою келлію, пробывъ въ ней около шестнадцати лѣтъ, и переселился въ монастырь 1809 года Маія 9го дня. Настоятель и братія весьма обрадовались его переселенію: ибо могли всегда его видѣть и пользоваться примѣромъ его благочестивой жизни.

По вступленіи въ монастырь, онъ затворился въ своей келліи и опять, по прежнему своему обычаю, предалъ себя безмолвію и уединенію, въ теченіи пяти лѣтъ никого почти не принимая ни изъ братіи, ни изъ постороннихъ посѣтителей. Онъ не хотѣлъ требовать для себя даже нужныхъ потребностей. Въ его келліи не было огня; волосы на головѣ свалялись такъ, что едва ножницами кое-какъ могли подстричь ихъ и снять наподобіе шапки. Одежда его была всегда одинакова. На тѣлѣ своемъ носилъ онъ вериги. Умертвивъ въ себѣ ко всѣмъ мірскимъ прелестямъ желаніе, онъ всегда предъ очами имѣлъ память смертную, по ученію Іисуса сына Сирахова: *Помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши.* Сирах. гл. 7. ст. 39. Онъ упросилъ сдѣлать себѣ дубовый гробъ и по-

ставилъ его въ сѣняхъ своей келліи, у которагo часто моляся, всегда готовился къ исходу отъ здѣшней къ вѣчной жизни, и сидѣлъ въ келліи своей какъ во гробѣ, подобно живому мертвецу. Рѣдкіе изъ братіи могли его видѣть и съ нимъ бесѣдовать. Онъ приходящихъ къ нему училъ ходить въ церковь неопустительно, заниматься умною молитвою, проходить послушаніе, какое Начальникомъ будетъ возложено, и стараться паче всего быть мирну. Нужная же пища для него приносима была чрезъ одного, живущаго съ нимъ, брата въ его сѣни и тутъ поставляема. Такъ приносили ему оную до самой его кончины. Часто случалось, что кто нибудь изъ братіи заставалъ его въ келліи на молитвѣ или въ чтеніи, и, желая воспользоваться его наставленіями, предлагалъ ему разные вопросы; но онъ, не обращая на его слова никакого вниманія, оставался при своемъ занятіи, и пришедшій къ нему братъ принуждаемъ былъ удалиться, не получивъ отъ него никакого отвѣта на предлагаемые вопросы. Таково было его безмолвіе и углубленіе въ самого себя!

Во время пребыванія въ затворѣ имѣлъ онъ слѣдующее келейное правило. Начиная съ

вечера субботняго и въ самый воскресный день отправлялъ службу всю воскресную, которую положено исправлять въ Уставѣ Церковномъ; въ понедѣльникъ прочитывалъ все Евангеліе отъ Матѳея, во вторникъ отъ Марка, въ среду отъ Луки, въ четвертокъ отъ Іоанна, въ пятокъ отправлялъ службу Кресту Господню по Церковному Уставу, въ субботу всѣмъ Святымъ; сверхъ сего полагалъ по тысячѣ поклоновъ каждый день вмѣсто правила, которое содержитъ Саровская Пустынь, и упражнялся въ умной Іисусовой молитвѣ.

Святыя Тайны для пріобщенія его, по благословенію Настоятеля, приносимы были къ нему въ келлію въ воскресные и праздничные дни отъ ранней литургіи. Пріобщаться Святыхъ Таинъ тѣла и крови Господней поставлялъ онъ для себя столь вожделѣннымъ, что не пропускалъ ни одного праздника и воскреснаго дня не сподобившись сея Святыни. Да и другихъ къ тому же побуждалъ, чтобъ не пропускали ни одного годоваго праздника, не очистивъ совѣсти своей исповѣдію и не омывъ грѣховъ своихъ кровію Господа нашего Іисуса Христа.

Послѣ пяти-лѣтней безмолвной жизни, убѣжденъ будучи просьбами нѣкоторыхъ посѣтителей, Отецъ Серафимъ началъ принимать и постороннихъ. Первый принялъ отъ него благословеніе бывшій Тамбовскій Губернаторъ, посѣтившій обитель 1815 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ сего времени Старецъ не отказывалъ никому, кто только желалъ принять отъ него благословеніе и воспользоваться его совѣтами; а потому и посѣтителей время отъ времени болѣе и болѣе умножалось. Многіе изъ дальнихъ мѣстъ начали приходить къ нему для принятія отъ него благословенія и полезныхъ совѣтовъ. Приходящихъ къ нему онъ благословлялъ и дѣлалъ имъ краткія поученія, смотря по душевнымъ нуждамъ каждаго. При семъ онъ имѣлъ обыкновеніе приходящимъ къ нему раздавать антидоръ и мѣлко искрошенные благословенные хлѣбы; и всѣ принимали отъ него оные съ благоговѣніемъ, почтеніемъ и любовію. Въ затворѣ пробылъ онъ семнадцать лѣтъ. Отъ столь долгаго пребыванія въ затворѣ пришелъ онъ въ крайнее изнеможеніе и особенно сталъ чувствовать сильную головную боль; почему и спросилъ врачей, какимъ бы образомъ можно было ему облегчить болѣзнь, и хотя нѣсколько возстановить свое здоровье. Они со-

вѣтовали ему или открыть кровь или выходить на воздухъ. А какъ онъ во всю жизнь свою не лѣчился; то и избралъ послѣднее. Но такъ какъ онъ положилъ себѣ за правило, чтобъ ничего не предпринимать, не получивъ какого-нибудь извѣщенія свыше; то и въ семъ случаѣ открылъ онъ въ молитвенномъ возвышеніи къ Господу Богу намѣреніе свое и просилъ на сіе Божественнаго извѣщенія, которое и получилъ. Почему 1825 года Ноября 25го дня, въ память Святителей Климента Папы Римскаго и Петра Александрійскаго, въ первый разъ вышелъ онъ изъ затвора въ лѣсъ. За дальностію разстоянія первой келліи, онъ построилъ себѣ другую поближе при рѣчкѣ Саровкѣ, отъ обители разстояніемъ около двухъ верстъ, гдѣ имѣлъ онъ отдохновеніе во время дневныхъ трудовъ, и приносилъ Всевышнему молитвы. Съ тѣхъ поръ онъ, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, каждый почти день ходилъ въ лѣсъ, и тамъ занимался то приготовленіемъ дровъ для топки келліи, то воздѣлываніемъ грядокъ для сажденія картофеля, и къ вечеру всегда возвращался въ обитель. Во время хожденія изъ лѣсу въ келлію и изъ нея въ лѣсъ, онъ имѣлъ обыкновеніе носить въ мѣшкѣ на себѣ камни, и на вопросъ, для чего онъ ихъ носитъ, отвѣчалъ:

я, по Ефрему Сирину, *томлю томящаго мя.* Во время таковаго его уединенія многіе изъ братіи слышали его часто поющимъ Антифонъ: *Пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ.* Сіе пѣніе было не простое біеніе воздуха, но было выраженіемъ сердечнаго его чувствованія; ибо онъ сіе дѣлалъ въ восторгѣ духа.

По выходѣ своемъ изъ затвора для пріобщенія Святыхъ Таинъ, онъ началъ ходить къ ранней литургіи въ больничную церковь, и послѣ литургіи паки возвращался въ свою келлію, сопровождаемъ будучи множествомъ посѣтителей, желающихъ принять его благословеніе и получить пользу душевную. Съ сего времени усердствующихъ къ нему такъ сдѣлалось много, что каждый день, особенно лѣтомъ, иные приходили къ нему къ пустынной келліи его, а другіе дожидались въ монастырѣ, чтобъ видѣть его, принять отъ него благословеніе и услышать назидательныя наставленія.

Память его была острая, умъ очищенный и даръ слова обильный. Бесѣды его столь были дѣйственны и утѣшительны, что всякій слышавшій оныя находилъ въ нихъ душевную

для себя пользу, — и нѣкоторые среди собранія признавались, что бесѣды его снимали съ очей ихъ какъ бы нѣкоторую завѣсу, озаряли умы ихъ свѣтомъ духовнаго просвѣщенія, и возбуждали въ душѣ рѣшительную перемѣну на лучшее. Всѣ свои слова и разсужденія онъ основывалъ на Словѣ Божіемъ, и подтверждалъ ихъ наиболѣе мѣстами изъ Новаго Завѣта. По чистотѣ духа своего имѣлъ онъ даръ прозорливства; инымъ, прежде объясненія ими своихъ обстоятельствъ, давалъ наставленія, прямо клонящіяся ко внутреннимъ ихъ чувствованіямъ и мыслямъ сердечнымъ. Особенную онъ имѣлъ любовь и почтеніе къ тѣмъ Святителямъ, которые были ревнителями вѣры Христіанской, какъ-то: къ Клименту Папѣ Римскому, Іоанну Златоустому, Василію Великому, Григорію Богослову, Аѳанасію Великому, Кириллу Іерусалимскому, Епифанія Кипрскому, Амвросію Медіоланскому и прочимъ подобнымъ имъ, называя ихъ столпами Церкви; часто приводилъ ихъ въ примѣръ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ. Убѣждалъ твердо стоять за истину догматовъ Восточной Церкви, приводя также въ примѣръ Марка Ефесскаго, показавшаго особенную ревность въ защищеніи Восточно-Каѳолической вѣры на Флорентинскомъ Соборѣ. Самъ предлагалъ наставле-

нія о православіи, объясняя, какъ оно нужно, въ чемъ оно состоитъ, и какъ надобно защищать его. Любилъ говорить о Россійскихъ Святителяхъ Алексіѣ, Іонѣ, Филиппѣ, Димитріѣ Ростовскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, о Преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ и другихъ Россійскихъ Угодникахъ Божіихъ, — и ихъ жизнь поставлялъ правиломъ на пути спасенія. Житія Святыхъ, описанныхъ въ Четьи Минеи, такъ твердо зналъ, что пересказывалъ цѣлыми отдѣленіями, совѣтуя подражать Угодникамъ Божіимъ. Особеннымъ свойствомъ его бесѣдъ и обхожденія была любовь и смиренномудріе; кто бы ни былъ приходившій къ нему, бѣднякъ ли въ рубищѣ, или богачь въ свѣтлой одеждѣ, даже какими бы кто ни былъ обремененъ грѣхами, всѣхъ лобызалъ онъ съ любовію, всѣмъ кланялся до земли, и благословляя, самъ цѣловалъ у многихъ непосвященныхъ людей руки. Онъ никого не поражалъ жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ неся крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Онъ говорилъ инымъ обличенія, но кротко, растворяя слово свое смиреніемъ и любовію; старался возбудить дѣйствіе совѣсти совѣтами, указывалъ путь спасенія и часто такъ, что слушавшій на первый разъ

и не понималъ, что дѣло идетъ о его душѣ; послѣ же сила слова, осоленнаго благодатію, производила свое дѣйствіе неизмѣнно; не выходили отъ него безъ наставленія ни богатые, ни бѣдные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины: для всѣхъ доставало живой воды, текшей изъ устъ смиреннаго и убогаго Старца, — всѣ ощущали его благопривѣтливую любовь и ея силу, и токи слезъ вырывались иногда и у тѣхъ, кои имѣли твердое и окаменѣлое сердце. Съ особенною неусыпностію заботился онъ о тѣхъ, въ коихъ видѣлъ расположеніе къ добру, утверждалъ ихъ совѣтами, наставленіями, указаніемъ пути спасенія, и возбуждалъ ихъ къ любви любовію своею. Впрочемъ, не смотря на его любовь ко всѣмъ, онъ былъ для нѣкоторыхъ *тяжекъ къ видѣнію; яко не подобно было инымъ житіе его, и отмѣнны* были *стези его* (Премудр. Солом. гл. 2. ст. 15). Но и съ *ненавидящими* его онъ *былъ миренъ*, обходился кротко и любовно. Не было замѣчено, чтобы онъ какое-либо доброе дѣло отнесъ къ себѣ, или хвалилъ себя; но всегда, благословляя Господа Бога, говорилъ: *Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113. ст. 9). Когда же видѣлъ, что приходившіе внимали его совѣтамъ и повиновались его наставленіямъ,

що онъ симъ не восхищался. Мы, говорилъ, должны всякую радость земную отъ себя удалять, слѣдуя ученію Іисуса Христа, Который сказалъ: *о семъ не радуйтеся, яко духи вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ.* — Лук. 10, 20. Одинъ братъ, къ которому онъ имѣлъ особенное расположеніе, просилъ его, чтобъ позволилъ списать съ себя портретъ; — Старецъ сказалъ ему: »что я убогій Серафимъ, чтобъ могъ позволить снять съ себя портретъ? Изображаются лики Господа нашего Іисуса Христа, Пречистой Его Матери и Святыхъ, а мы грѣшные что значимъ?« Когда же братъ тотъ продолжалъ просить его, представляя, что сего желаютъ многіе изъ усердія: Старецъ сказалъ: мы всегда и во всѣхъ случаяхъ должны стараться отсѣкать вины тщеславія въ самомъ началѣ. Одинъ братъ сказалъ Отцу Серафиму: тебя много безпокоятъ обоихъ половъ люди, и ты всѣхъ безъ всякаго различія пускаешь къ себѣ; Отецъ Серафимъ привелъ на сіе въ примѣръ Иларіона Великаго, который не велѣлъ затворять дверей ради странниковъ; положимъ, сказалъ онъ, что я затворю двери келліи моея: но когда приходящіе къ ней люди, жаждущіе слова утѣшенія, будутъ меня заклинать Богомъ,

и, не получа отъ меня ничего, будутъ съ печалію возвращаться; какой я тогда могу дать отвѣтъ на Страшномъ Судѣ Божіемъ?

Другой братъ спросилъ Отца Серафима: что ты всѣхъ учишь? На сіе онъ ему отвѣтствовалъ: я слѣдую Слову Божію, которое учитъ: *Добро, еже благословити Бога и возносити имя Его, словеса дѣлъ Божіихъ благочестно сказующе* (Товит. 12, 6.), и ученію Церкви, которая поетъ: не скрывай Словеса Божія, возвѣщай чудеса Его (во вторникъ Страстныя седмицы на вечернихъ стихирахъ).

Нѣкто сказалъ Отцу Серафиму: тобою нѣкоторые соблазняются. На сіе онъ отвѣтствовалъ: я не соблазняюся тѣмъ, что многіе одни пользуются, а другіе соблазняются.

Одинъ богачь, пришедши къ Отцу Серафиму, началъ говорить ему: что ты какое на себѣ носишь рубище? На сіе онъ отвѣтствовалъ: Іоасафъ Царевичь, данную ему пустынникомъ Варлаамомъ мантію сочелъ выше и дороже багряницы Царскія (Чет. Мин. Ноября 19го дня). Отецъ Серафимъ часто говаривалъ: »намъ запрещаютъ жить въ пустынѣ; но первый нашъ Отецъ, Іоаннъ Предтеча, былъ пустынникъ.«

Приближаясь къ глубокой старости, за годъ до смерти, Старецъ сталъ чувствовать въ тѣлесныхъ силахъ особенное изнеможеніе, и потому въ пустынную свою келлію началъ ходить рѣже; также и въ монастырѣ не всегда уже принималъ къ себѣ посѣтителей. Это опечаливало нѣкоторыхъ; но усердные, желая непремѣнно видѣть его и воспользоваться его наставленіями, дожидались и проживали для сего въ монастырѣ не малое время. За нѣсколько дней предъ смертію выходилъ онъ изъ келліи къ Успенскому Собору, обмѣрилъ и назначилъ съ боку олтаря мѣсто для могилы своей.

1833 Года Генваря 1го дня въ послѣдній разъ пришелъ въ больничную церковь къ ранней литургіи, и пріобщился Святыхъ Таинъ. Въ сіе время замѣчено было въ немъ крайнее изнеможеніе тѣлесныхъ силъ; впрочемъ онъ показывалъ спокойный и радостный духъ.

На другой же день, т. е. 2го Генваря, во время утрени онъ предалъ Господу Богу духъ свой. Когда отъ ранней литургіи вошелъ къ нему въ келлію монахъ Іоаннъ, то видя въ ней Старца на колѣняхъ, стоящаго предъ Святыми Иконами съ наклоненною головою, съ руками пригбенными къ персямъ, думалъ, что онъ стоитъ на молитвѣ. Когда же приближился къ нему, то нашелъ его уже скончавшимся. Персть оставалась на землѣ, а душа была уже у Господа. Монахъ оный объявилъ о семъ Настоятелю въ собраніи всей старшей братіи. Всѣ, будучи поражены симъ извѣстіемъ, скорбѣли о разлукѣ съ таковымъ доблественнымъ подвижникомъ, который былъ примѣромъ всей братіи и служилъ украшеніемъ обители. При погребеніи его было необыкновенное стеченіе народа разнаго званія изъ окрестныхъ мѣстъ и изъ сосѣднихъ Губерній.

ОПЕЧАТКА:

Напечатано:			Должно читать:
Стран.	Строк.		
29.	16.	много	мною